

РЯДОМ
С ИНТЕРЕСНЫМ
СОБЕСЕДНИКОМ

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА Эльзы Радзины

— Как играет Эльза Радзинь старшую дочь Лира, высокомерную и коварную Гонерилью в фильме Григория Козинцева?..

Задайте себе такой вопрос и постарайтесь на него ответить. Прежде всего вам придут на ум слова: «Очень просто. Сдержанно и очень просто!».

Но вспомните ее лицо, словно скованное мучительной тайной. Эта женщина одержима. Она вовсе не так хладнокровна и уравновешенна, как кажется. Ее раздирает страсть. Последняя, пагубная. Но Гонерилья слишком горда, чтобы выплеснуть ее наружу. Эта женщина погибнет, иссушенная жаждой любви и власти. Ибо ни власти, ни любви не уготовила ей судьба. И она неистово мстит всему роду человеческому за то, что она, неприступная, вынуждена склонять колени, она, ненасытная, вынуждена гасить свою любовь. Темно и мрачно в лабиринтах ее души. И только раз вырвется из них крик боли...

Выразительные средства актрисы предельно скуны, аскетичны, просты. Внутренняя борьба, которая сжигает и губит ее героиню, происходит где-то в глубине. Она владеет собой, эта страшная женщина, готовая прошагать по трупам к своему жестокому счастью.

Такова последняя роль актрисы в кино.

А вот — в театре.

Мадам Кропит в драматической дилогии по В. Лацису «Пятиэтажный город» и «Бескрылые птицы». Крошечный эпизод. Всего два-три выхода, несколько минут сценического времени, и почти никаких слов. Это скорее пластический этюд, чем драматическая роль.

Вот она, холеная, пресыщенная, в потоке купечески-мишур-

ной толпы, проплывает в своем изумительном «марш-параде». Ее движения изящны и хищны. Весь ее облик до тонкости комедии, такая дерзкая, аляповатая, позолоченная наглость. Она — крупница гиблого, гнилого климата фешенебельной буржуазной Риги.

Это блистательный гротеск. Но какими средствами успех достигается? Простыми. Удивительно простыми. Точными и прицельными.

— Однако что же такое простота актерского стиля? Как вы толкуете это понятие? И как достигаете простоты, всегда таящей уйму сложности?

Эльза Яновна хмурит подвижные брови. Ерошит волосы и — словами этого не описать! — начинает актерски показывать мне свою точку зрения.

— Вот это — упрощенность. Примитив. Когда артисту не хватает ни мысли, ни мастерства. А вот это — опрощение. Когда прощенный мэр, в душе презирающий публику, бросает ей эдак небрежно, с барского плеча, пригоршню чего-то банального, немудреного, псевдонародного... А настоящая простота? Что она такое? На этот вопрос не ответить и всей своей сценической практикой. Во всяком случае я к ней стремлюсь, хотя она вовсе не самоцель, она приходит сама собой. Незаметно. И берегитесь, как бы она не улизнула, уступив место захудалому штампу...

— Но вам такая опасность не грозит. Ваша простота полифонична. Среди ста ролей, сыгранных вами, столько исключают друг друга, противоположны!

...Гражданский подвиг, мудрость и мужество матери Володи Ульянова («Семья» И. Попова) и хрупкая, неземная, нежная Майя («Любовь сильнее смерти» Я. Райниса). Отчаяние нищеты седой Осие («Земля зеленая» А. Упита) и великолепная, загадочная Жорж Санд («Лето в Нане» Я. Ивашкевича). Озорная, безрассудно веселая Мария («Двенадцатая ночь») и ослепленная страстью, страдающая королева Гертруда («Гамлет»). И неподкупная одержимость Мари-Октябрь. И утонченная ироничность Стеллы Кемпбел...

Каждый образ — открытие. Более того, каждый вечер артистка другая, даже в одном и том же спектакле.

— Ваша простота многомерна, но ведь и монотонность прикидывается иной раз простотой?

— Во-первых, я вовсе не разделяю ваших восторгов по поводу того, что делает актриса Радзинь. И, поверьте, это не кокетство. Я действительно вижу гораздо больше задач, чем решение. Итак, монотонность, говорите вы, прикидывающаяся простотой? Или, проще говоря, пресловутое «самовыражение»? Я категорический противник такой модной «системы взглядов». Просто не считаю свою натуру та-

кой содержательной и богатой, чтобы из вечера в вечер досаждал зрителям «выражением» самой себя. Правда, такое «искусство» не требует бессонных ночей и мучительных раздумий; бормочи себе под нос любой текст и не заботься ни о сути, ни о внешнем рисунке роли. Но искусство ли это, вот вопрос?..

Я за праздничность театра, за реалистическую театральность со всеми вытекающими отсюда последствиями. За грим. За умение изменить наружность. За перевоплощение — и внутреннее, и внешнее.

Театр есть театр. Обыденность его убивает. Люди идут в театр, как на торжество, ждут таинства. Нельзя обманывать таких благородных ожиданий.

Конечно, в наш космический век, когда столь стремительно раздвигаются границы познаний и умений человеческих, эстетическая форма усложняется в соответствии с более гибким и искушенным умом, с более богатым чувственным миром современного зрителя. Сегодня требуется и сдержанность, и суровость мышления, и гибкость выразительных средств. Более совершенное владение колоритом, пластикой, голосом. Но главное — требуется умение глубоко мыслить. Чувствовать масштаб образа. Видеть его социальный смысл. Видеть идеал и защищать его своим искусством. Все это до крайности усложняет творческий поиск ар-

тиста, но и делает его еще интереснее, еще ответственнее.

— Расскажите, пожалуйста, о своем пути, о школе, об учителях, о методах вашей работы над ролью?

— Главным учителем моим была жизнь. А она была нелегкой в многодетной семье рабочего-металлиста с фабрики «Унион» и обыкновенной швеи. Конечно, родители и слышать не хотели о моей артистической карьере. Но выбор был сделан. А дальше...

Дальше, я считаю, что мне здорово повезло. Как известно, радикально изменился общественный строй в Латвии, а вместе с тем изменилось и отношение к профессии художника. Она перестала быть «несерьезной», она стала такой же «приличной», как и все остальные. И еще мне повезло потому, что пришлось сыграть много самых разнохарактерных ролей. И, наконец, потому, что на моем пути оказалось много замечательных учителей и среди них такой крупный мастер латвийского театра, как А. Амтман-Бриедис.

Я напомню еще о двух — одном из первых и одном из последних.

К Петерису Луцису я попала еще совсем малоопытной драматической актрисой. Впервые он заставил меня всерьез задуматься над психологическим подтекстом роли, понять, что слова, уложенные в реплики и монологи, это совсем еще не все и не главное, что я обязана все знать о своей героине и что я обязана много сообщить о ней публике.

Имея за плечами уже многолетний опыт работы не только в периферийных театрах, но и в Академическом театре драмы Латвийской ССР, я встретила с Григорием Козинцевым, он пригласил меня на роль королевы Гертруды в «Гамлете».

Григорий Козинцев очень точно видит цель актера, ясно определяет ее. И она всегда очень значительна. Он создает артисту все условия для самостоятельного поиска путей к достижению цели.

Из синтеза решений, найденных режиссером и артистами, вырастает истинное искусство...

Ну, а что касается моей «системы», то тут нет у меня никаких открытий. Работаю, наверное, так же, как и многие мои соотечественники. Думаю. Читаю текст. Не только свой, но и партнеров. Иногда этот чужой текст многое скажет мне о моей героине. Снова думаю. Снова читаю. Стараюсь подобрать ключ к новому для меня характеру. Ставлю свою героиню мысленно в самые различные ситуации — и общественные, и частные. Как она повела бы себя в таком-то случае? Какова логика ее поведения, двигательная пружина ее характера? В конце концов добираюсь до самой сути психологического склада человека. Потом начинаю обратный процесс: вновь ищу внешние приметы характера. Перед моим мысленным взором встает живая женщина; вижу ее походку, осанку, морщины, слышу ее голос...

Перед генеральной репетицией все это вдруг улетучивается. Я ничего не помню, двигаюсь по сцене, как в тумане, как во сне. А потом туман вдруг рассеивается, и я начинаю играть, не думая уже ни о чем. Моя героиня тянет меня за собой. И это вообще уже не я, а она. Или, вернее, мы обе, слившиеся вместе, воедино.

Как видите, все это выглядит довольно сумбурно. И вряд ли кому-нибудь может пригодиться.

— Но процесс разработки характера не происходит ведь стихийно?

— И на этот вопрос прямо ответить трудно. Люди очень сложны и своеобразны. К каждому нужен особый подход. Во всяком случае я стараюсь на примере каждого характера всякий раз по-своему объяснить себе и людям большой смысл добра и зла.

Вот хотя бы моя королева Гертруда. Преступница или жертва? Ни то, ни другое. Гораздо сложнее. Черно-белой схемой тут нет. Мы с постановщиком старались увидеть в ее душе сложную тра-

гическую борьбу. Она ведь не знавала, что становится соучастницей страшного преступления. Она отдалась страсти, последней вспышке женственности. И эта вспышка ослепила ее. Моя Гертруда остается любящей и страдающей матерью. Но она бессильна. Мышеловка захлопнулась, и все гибнет...

Возьмем Манне — верную подружку Дикого капитана. Это тоже сложный сплав, хотя и других противоречий. Она, просоленная насквозь жестокими морскими ветрами, она, живущая среди одичавших матросов, — какой она вдруг становится ласковой и красивой, когда чувствует свою ответственность за судьбу прожженного и могучего Капитана, для нее — просто большого ребенка!..

— Вы сказали «красивой». И в самом деле, удивительно красива ваша суровая, не улыбающаяся, угловатая, большерукая, одетая в рваную парусину морячка Манне! Что если попробовать разобраться в понятии «красота человеческая»? Как вы ее себе представляете?

— Для меня красивый человек — это прежде всего тот, кто умеет работать и любит свою работу. Это человек, который не растопчет цветок в сквере, зная, что за каждым цветком труд, красота труда. Это человек, умеющий работать неистово, одержимо, ненасытно. И еще. Красивый человек равнодушен к товарищам. К людям вообще. К самому себе. К природе.

Мне кажется, что я не могла бы жить без моря. На него хочется смотреть с утра до ночи. И не насмотрюсь. К нему можно обращаться с любым вопросом, и когда тебе весело, и когда тебе грустно. Оно мудро. И оно никогда не повторяется. Одна волна не похожа на другую. Оно рождается заново каждый день. Оно навеивает глубокие мысли. Оно будит мечту. Это — жизнь.

— И о чем же мечтает народная артистка Латвийской ССР Эльза Радзинь, любящая могучей

и суровой стихией родной Балтики? О какой несыгранной роли?

— О роли я мечтаю себе за пределами... Уж очень больно, когда такие мечты не сбываются. Долгие годы мечтала играть Ибсена. Не играла. Ох, как мечталось сыграть Анну Каренину! Время шло, ушло. Не сыграла. Хочется воплотиться в образ труженицы наших дней. С ее бедами и радостями, тревогами и надеждами. С ее великодушием и нравственной чистотой. Нет у меня пока таких ролей...

А вы знаете, как тяжело расставаться с образом, выстрадаанным, угаданным, созданным живой кровью, живыми нервами? Каждый «отыгранный», закончивший свою жизнь спектакль для меня мука. Как расставание с любимым другом. Хорошо еще, если на смену одной роли сразу идет другая, равноценная. Но бывают ведь и долгие, долгие паузы... В общем жизнь артиста прекрасна, хотя она состоит из встреч, трудностей, счастья познания, а потом из разлук.

— Каково ваше главное приращение, ваш «эталон» в искусстве?

— Я хотела бы хоть чем-то продолжить доброе дело, которому отдала всю свою жизнь замечательная латышская актриса Анта Клинт. Искусство — прекрасный урок искренности. Эти слова принадлежат Огюсту Родену. Так вот, незабываемый, бесценный урок искренности преподала нам наша Анта своим светлым, истинно демократичным и очень нужным народу творчеством. Народ ее понимал и любил. И все, что она делала на сцене, было предельно просто, естественно, как сама народная душа. И так же сложно, возвышенно и прекрасно...

Быть наследницей такого большого искусства. Вот об этом я действительно не устаю мечтать.

Беседу вела
Ольга МАКАРОВА.

РИГА.